

**«Столичность» vs. «провинциальность»:
влияние на городскую идентичность**

Предлагаемая статья содержит теоретический анализ континуума «столичный город – провинциальный город», являющегося одним из важных компонентов городской идентичности. По данным исследований психологов, проводивших сравнительный анализ городской идентичности жителей мегаполиса (на примере Санкт-Петербурга) и провинциальных городов (Норильска и Череповца), городская идентичность («Я – житель своего города») в структуре социальной идентичности жителей провинциальных городов занимает гораздо большее место по сравнению с жителями мегаполиса. При этом городская идентичность жителей провинциальных городов реже носит позитивный характер, нежели городская идентичность жителей мегаполиса. А позитивная городская идентичность жителя мегаполиса является практически нормативной личностной характеристикой [1: 40–44].

Это исследование подтверждает, что идентификация себя в качестве столичного/провинциального жителя имеет большое значение при формировании городской идентичности личности. Процесс идентификации проходит под влиянием особенностей и условий жизни столичных и провинциальных городов.

Под городской идентичностью понимается результат идентификации человека с городской общностью как большой социальной группой, отличающейся от ряда других общностей, выделяемых по признаку городской принадлежности.

Городская общность может быть охарактеризована по таким параметрам, как статус группы и характеристики групповых границ.

Статус группы определяется ее местом в системе социальной стратификации и обуславливается доступностью для ее представителей различных материальных и духовных ресурсов. Одна из наиболее значимых характеристик статуса города является дихотомия «столичность-провинциальность», причем столичные города обладают более высоким статусом.

Проницаемость групповых границ демонстрирует, насколько легко члены группы могут покинуть ее и присоединиться к другой социальной группе. Проницаемость групповых границ может предоставлять возможности членам низкостатусных групп повысить свое социальное положение, именно поэтому проницаемость границ провинциальных городов выше, чем столичных, что является следствием оттока жителей из провинциальных городов в столичные.

Рассмотрим критерии для дифференциации столичных и провинциальных городов.

1. *Численность населения.* Численность населения является ключевым показателем столичности и провинциальности города. «Столично-провинциальные отношения» к городам складываются не в рамках страны в целом, а в рамках отдельных регионов, крупные и центральные города в которых приобретают «столичный» статус, прикрепляя к средним и малым городам ярлык областной периферии.

2. *Доступность для населения различных ресурсов (экономических, политических, культурных).* В. В. Вагин подробно анализирует данные ресурсы столичных и провинциальных городов [2: 53].

Экономический критерий связан с уровнем развития промышленности. Для провинциального города характерен доиндустриальный или индустриальный уровень, традиционные технологические подходы и зависимость экономической эффективности преимущественно от внешних факторов, например, от поступления бюджетных средств. Тогда как столичные города характеризуются постиндустриальным уровнем развития производства, применением новейших технологий и разработок, различными стратегиями самостоятельной экономической деятельности.

Политический критерий определяется полномочиями и пределами самостоятельности законодательной власти: столичные города в этом смысле получают определенные свободы в отличие от провинциальных. Кроме того, для столичных городов в большей степени, чем для провинциальных, характерен плюрализм политических мнений и позиций.

Культурная специфика столичных и провинциальных городов задана различной степенью доступности культурных продуктов и культурных учреждений, а также уровнем интереса к различным культурным событиям, который в столичных городах выше, чем в провинциальных.

С. Н. Жирякова высказывает аналогичную точку зрения, разделяя столичные и провинциальные города по признаку комфортности, под которым понимается наличие жизненных удобств, благоустройство среды, организация транспорта, связи, а также культуры, доступность образовательных и иных интеллектуальных услуг. Под столичностью понимается сочетание в крупнейшем политическом и культурно-историческом центре страны территориальной сверхконцентрации производительных сил, сверхспециализации функций управления и определяемого им специфического образа жизни населения [3: 318].

3. *Особенности жизнеустройства жителей столичных и провинциальных городов.* В. В. Вагин отмечает, что провинциальное жизнеустройство воспроизводит традиционные уклады жизнедеятельности российских домохозяйств [2: 54].

Ж. Д. Ефремова, исследуя провинциальный образ жизни, приходит к выводу, что он определяется традиционным русским менталитетом, который характеризуется следующими чертами: сочетание абсолютно противоположных черт и постоянный переход из крайности в крайность; тяга к абсолютным ценностям и утопизм сознания; преобладание чувственного восприятия над рациональным; приоритет духовно-нравственных ценностей над практическими результатами; неразвитость индивидуалистического начала; консерватизм политических, экономических и ценностных установок населения [4: 16].

Соответственно, столичный менталитет, определяющий столичный образ жизни, характеризуется внутренней непротиворечивостью базовых убеждений, прагматизмом, рационализмом, представлениями об относительности добра и зла, приоритетом индивидуалистического начала над коллективистическим [1: 10].

4. Пространственно-временные критерии. Данную группу критериев дифференциации столичных и провинциальных городов выделяет Г. В. Акопов [5]. В его тезисах дихотомия «столичность-провинциальность» становится мерой пространства и времени. Для столичных городов типично большое количество значимых событий в единицу времени. Для провинции, наоборот, характерно более медленное течение как исторического времени, благодаря которому можно соотнести актуальный уровень цивилизационного развития города с прогрессивными городами-мегаполисами, так и хронологического, определяющего более спокойный ритм жизни. Помимо этого, столичные города отличаются от провинциальных организацией пространства: размерами, характером застройки, удаленностью от центра.

5. Ландшафтная специфика. Данный критерий анализирует В. Каганский. Говоря о ландшафте провинции, он отмечает, что провинция – это сложное взаимодействие достаточно отчетливо выраженных отдельных мест, она состоит из довольно крупных специализированных частей. При этом индивидуальность каждого места много ярче, чем провинции в целом, тогда как индивидуальность центральных (столичных) городов ярче и значимее индивидуальности составляющих их отдельных мест. Обусловленность ландшафтного пространства провинции Каганский видит в географическом положении, исходном природном ландшафте и характере производства.

Каганский большую роль в развитии ландшафта отдает природному компоненту. Именно этот компонент отличает провинциальный город. «Природная основа и природная специфика культурного ландшафта провинции ясно читается и, несомненно, переживается населением. Оно знает и ценит природные памятники своей территории наряду с культурными» [6: 250].

Природа оказывает влияние и на деятельность жителей провинциального города: человеческая деятельность и жизнь в провинции включена в естественное, природное время, для неё существенны времена года и часы суток, хозяй-

ственная жизнь провинции вписана в природные ритмы. Специфика и разнообразие ее природного ландшафта обязательно и достаточно полно используются в хозяйстве и культуре.

Каганский подчеркивает отличие в деятельности жителей провинции и центральных городов. В провинции относительно преобладает работа с вещами (причем эта деятельность имеет тесную связь с конкретным местом), а не со знаками. Производятся вещи, изделия, материальные продукты, а не законы, нормативы, инструкции, символы, как в центральных городах.

б. Особенности ментальности. Через призму особенностей ментальности Т. В. Иванова [7] выделяет следующие отличительные признаки столичности-провинциальности:

- городские ориентиры (символы города) – основные достопримечательности города, по которым его узнают даже за его пределами: чем больше таких символов, тем более город столичен (менее провинциален), и наоборот;

- городские территории – «дробность» городского пространства, количество административных и представленных в обыденном сознании микрорайонов: чем меньше районов, тем более провинциален город, и наоборот;

- городские маршруты – «общие» пути, основные улицы города: чем меньше количество маршрутов и их длина, тем более провинциален город, и наоборот;

- высотность – средняя этажность домов в городе, представленная в обыденном сознании: чем выше этажность, тем более столичен город, и наоборот;

- темпоритм – динамичность основных городских процессов (скорость передвижения по городу, скорость распространения информации, скорость речи и т. д.): чем ниже скоростные показатели, тем более провинциален город, и наоборот;

- психологическое ядро – объекты, наиболее значимые для всех горожан и безошибочно узнаваемые ими: для провинциального города характерно «монолитное» ядро, в столичном городе таких ядер несколько;

- историческое прошлое города – значимые в масштабе страны исторические события, отраженные в сознании жителей города: в провинциальных городах в сравнении со столичными таких событий значительно меньше.

Напротив, если же говорить о локальной культурно-исторической памяти, то, по мнению Е. В. Дзякович, ее актуализация является одним из основных признаков провинции: «Так, в частности, имеет смысл говорить о коллективной памяти семьи, религиозной коллективной памяти, локализации памяти и ее отражении в речи. Все эти аспекты социальной памяти в наибольшей степени актуализируются в провинции. Именно там мы можем столкнуться с их особенно концентрированными проявлениями» [8: 27].

Значение для провинции культурного ландшафта и традиций отмечает В. Каганский: «Культурный ландшафт провинции естественен, сложен и сглажен временем и традицией. Провинции без традиции не бывает» [6: 250].

Ещё одной особенностью социальной среды провинции, которую выделяют исследователи, является ее консерватизм – «как в позитивном понимании этого слова, так и в его негативном значении» [9]. «Однако не следует упускать из вида, что провинциальный механизм стабилизации, особенно очевидный при сопоставлении с креативным, мобилизующим началом центра, не является, да и не может быть все определяющим «вдали от шума городского». Ведь эту притормаживающую функцию, консервативную роль хранительницы традиционного, провинция выполняет в рамках большой системы» [10: 19], – отмечает в своем исследовании Н. М. Инюшкин. В. Каганский также пишет о консервативности провинции: «Внедрение экзотических и просто новых групп населения, технологий и элементов ландшафта в провинциальную среду весьма затруднено в силу ее инертности, консервативности, но, прежде всего, полноты социокультурной структуры (нет свободных социальных ниш)» [6: 249].

7. *Особенности социальных коммуникаций.* С. Милграм выделяет следующие социально-коммуникативные особенности больших городов по сравнению с малыми, провинциальными городами:

- различия в исполнении ролей (тенденция жителей больших городов взаимодействовать друг с другом в узкоспециализированных функциональных рамках);

- изменение в когнитивных процессах жителя большого города (его неспособность отразить большинство людей, которых он видит в течение дня);

- более сильная конкурентная борьба за дефицитные технические средства и ресурсы в больших городах (толкучка в метро, борьба за такси, транспортные пробки и т. д.);

- эволюция городских норм (в больших городах не просто нарушаются традиционные правила учтивости, скорее, в них формируются новые нормы, предписывающие невмешательство, стремление остаться в стороне, что приводит к обезличенности и отчужденности жизни в большом городе) [11: 42].

Х. Э. Штейнбах и В. И. Еленский [12] называют такую особенность межличностных коммуникаций в больших городах эффектом «рваной коммуникативной цепи», который заключается в низком уровне ответных реакций на поведение партнера по взаимодействию, слабой выраженности социальной поддержки и социальной солидарности. В провинциальных же городах распространена соседская поддержка и взаимопомощь, лежащая в основе довольно сильной социальной поддержки.

Ограниченность моральной и социальной вовлеченности горожанина в жизнь других жителей большого города С. Милграм объясняет «вертикально-

стью» столичного города и «плоскостью» города провинциального: «Обитателю небоскрёба, по большому счету, абсолютно всё равно, что делается у него под ногами или над головой. Обитатели разных уровней никак не пересекаются и не соотносятся друг с другом» [11: 119].

8. *Нормативное поведение*. Ф. Зимбардо описал эффект деиндивидуализации, характерный для больших городов, приводящий к снижению социального контроля за каждым конкретным человеком. Кроме того, для больших городов типична обезличенность, которая повышает анонимность поступков отдельного человека и позволяет горожанам чаще выходить за пределы нормативного поведения [1: 11].

А. В. Микляева и П. В. Румянцева отмечают, что снижение социального контроля также приводит к возникновению и проявлению различных поведенческих девиаций, которые ложатся в основу разнообразных городских сообществ. Благодаря такому разнообразию поведенческих проявлений жители городов-мегаполисов в целом более толерантны к поведению, выходящему за рамки норм, в сравнении с населением провинциальных городов. В провинциальных городах, напротив, возникают специфические, четкие нормы и правила поведения. Социальный контроль здесь значительно выше, чем в мегаполисе: любой выход за предписываемые рамки нормативного поведения осуждается, уровень толерантности к поведенческим девиациям в провинциальных городах значительно ниже [1: 11].

Таким образом, понятия «столичный город» и «провинциальный город» детерминированы не только географическим положением и численностью населения, но и определенным способом восприятия и организации жизни, что позволяет рассматривать их как компоненты городской идентичности личности.

Примечания

1. Микляева А. В., Румянцева П. В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? СПб.: Речь, 2011.

2. Вагин В. В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. 1997. № 4.

3. Жирякова С. Н. Столичность и провинциальность как показатели территориального сообщества // Регионология. 2008. № 2.

4. Ефремова Ж. Д. Формирование и функционирование менталитета населения малого провинциального города: Автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М., 2006.

5. Акопов Г. В. Российское сознание: историко-психологические очерки. Самара: СамГПУ, 2002.

6. Каганский В. Россия. Провинция. Ландшафт // Отечественные записки. 2006. № 5.

7. *Иванова Т. В.* Городская ментальность как предмет психологического исследования. Самара: Изд-во СамЦ РАН, 2003.

8. *Дзякович Е. В.* Локальная идентичность как социокультурный феномен современной Российской провинции // Обсерватория культуры. 2010. № 5.

9. *Дзякович Е. В.* Подходы к исследованию провинции как социокультурного, ментального и кроссрегионального феномена // [Электронный ресурс]. URL: teoria-practica.ru/-4-2010/sociologiya/dzyakovich.pdf

10. *Инюшкин Н. М.* Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза, 2004.

11. *Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2000.

12. *Штейнбах Х. Э., Еленский В. И.* Психология жизненного пространства. СПб.: Речь, 2004.

В. В. Ермакова, А. М. Бритвин (Екатеринбург)

Территория и пространство: образы и послания

Актуальное состояние России представляет собой результат не просто смены социополитического и экономического направления развития общества. Происходит процесс не столько реформирования социума, сколько явно и неявно идет формирование будущей новой цивилизации. В очередной раз Россия принимает вызов истории.

Даниил Андреев так писал об одной из самых глубоких загадок XVII века: «почему и ради чего, какими именно социально-экономическими причинами понуждаемый, русский народ, и без того донельзя разреженный на громадной, необжитой ещё Восточно-Европейской равнине, в какие-нибудь сто лет усилиями отнюдь не государства, а исключительно частных людей, залил пространство, в три раза превышающее территорию его родины, пространство суровое, холодное, неуютное, почти необитаемое... Можно догадываться, что это имело отношение ко всемирно-историческому назначению России и что эти пространственные резервы должны послужить ареной для тех творческих деяний сверхнарода, свидетелем которых явится XXI или XXII век. Культура, призванная перерасти в интеркультуру, может осуществить своё назначение, лишь тесно соприкасаясь со всеми культурами, которые она должна ассимилировать, объединить и претворить в планетарное единство. Если сверхнарод предназначен стать реактивом, трансформирующим и себя, и все сверхнароды мира в духовно единое Человечество, то ему должны быть уготованы пространства, соответствующие размаху его борьбы, его идей и творческого труда» [1].